ДРУЖБА НАРОДОВ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

8
Август
1959

ках, молча посасывающих трубку-носогрейку, какими их обычно представляют.

Несмотря на многопланность книги Геннадия Фиша, в ней все же можно выделить одну главную тему, которая проходит через все очерки, связывает их воедино. Это тема дружбы с Советским Союзом. Крепнущие симпатии к СССР в различных слоях финского общества, по-видимому, облегчали и часто делали приятной и радостной поездку писателя по Финляндии. И эти симпатии, как засвидетельствовано в книге, основаны на прочном доверии к советским людям. С каждым годом все больше финнов убеждается в том, что Советский Союз не имеет никаких иных планов в отношении Финляндии, кроме планов расширения и укрепления экономических и культурных связей. Живое тому подтверждение — размещение на финских предприятиях все большего числа советских заказов, которые укрепляют независимость Финляндии, обеспечивают тысячам финнов постоянную работу.

Я вспоминаю собственное первое впечатление от Финляндии: на пограничной станции Вайниккала — длинные эшелоны с углем, минеральными удобрениями, хлопком, зерном, прибывшие из Советского Союза. Добрый знак делового взаимовыгодного сотрудничества двух дружественных стран! И другое яркое впечатление — встреча в вагоне поезда, шедшего из Котки, с молодой лаборанткой одной из финских бумажных фабрик. Узнав, что по соседству с ней оказались москвичи, женщина вытащила из сумочки самый свой дорогой сувенир, с которым, по-видимому, не расставалась,— пачку московских фотографий, память о посещении СССР в составе финской рабочей делегации, и с увлечением стала показывать эти снимки.

Геннадий Фиш приводит в своей книге не мало аналогичных фактов. И хотя, впервые побывав в Финляндии в конце второй мировой войны, он наблюдал еще довольно сильное недоверие и подозрительность к советским людям, хотя он пишет в заключение своих очерков, что в Финляндии и сейчас не все позиции утратили политики, строящие свою карьеру на неприязни к Советскому Союзу, вместе с тем он видел массу живых примеров, подтверждающих другое: дружба двух соседних народов будет неизменно расти и крепнуть. И думается, он был прав, записывая, что «если ненависть и злоба более или менее однообразны, то дружба народов еще и тем прекрасна, что она неисчерпаема и каждый раз к каждому поворачивается новой стороной». Этим чувством дружбы согрета книга советского литератора о стране, которую Горький когда-то назвал «сильной, красивой, изумительно оригинальной».

Очерки Геннадия Фиша сопровождают острые и выразительные рисунки Ореста Верейского. Писатель нашел настоящего соавтора, который не только дополнил, но и обогатил финские записи Фиша своими талантливыми зарисовками.

Б. Галанов

Душа поэта

В. Короткевич. Душа матери. Стихи. На белорусском языке. Минск. Белгосиздат, 1958

В Белоруссии, как впрочем и всюду, литературную критику упрекают в том, что она не успевает оценивать многие интересные книги. Чаще всего бывают обделены вниманием молодые поэты. Владимир Короткевич, напротив, может пожаловаться разве на излишнюю опеку. Еще до выхода первого сборника «Душа матери» его стихи, печатавшиеся в журналах, становились предметом пылких разговоров. Оценки резко расходились. Молодого поэта одинаково решительно хвалили за самобытность, талант, мастерство и бранили за книжность, сложность, пренебрежение к современности.

Творчество Короткевича рождалось в поисках, голос его не окреп, и это, естественно, дает повод для критических замечаний. Но, вероятно, часть упреков можно отнести за счет самой критики, недостаточно учитывающей особенности лирической поэзии, и, в частности, то, что тема современности преломляется в ней порой совсем не в прямой, привычной нам форме.

Во многих стихотворениях сборника поэт ставит своей целью уловить движение времени, познать дух истории с тем, чтобы глубже войти в современность.

Наиболее удачны в книге произведения героического плана. Литературная биография Короткевича, собственно, и началась со стихотворения «Машека». Оно привлекло читателей яркой образностью, точностью поэтического видения, хотя сама судьба легендарного разбойника, воспетого белорусами в народных песнях и поэме Янки Купалы «Могила льва», раскрывается поэтом несколько упрощенно и чересчур социологично. Гораздо больше ему удался образ мстителя за мужицкую долю в «Балладе о повстанце Вовколаке». Трагедия бунтаря-одиночки здесь дана глубоко лирично. Смертельно раненный повстанец до последнего дыхания тянется к свободе, напряженно прислушивается к голосам жизни, бушующей вокруг:

Последняя ночь над землею.
Возле меня, как тень,
Проходит к водопою
Вольный лесной олень.
Завтра все мрак покроет.
Лежу в яру у реки.
В грудь серебряной пулей
Свалили меня гайдуки.
В поле простор широкий,
А здесь и влага и тень,
Нету для глаз раздолья...
Листья объешь, олень!

(Перевод автора)

Но самое волнующее произведение героического плана — это «Партизанская баллада». Повествование о страданиях, борьбе и величии двух простых советских людей переросло здесь в разговор о величии нашего народа, снискавшего родной Белоруссии в годы войны славу земли-партизанки.

Каждый честный шаг в эти годы вражеского нашествия, говорит поэт, становился подвигом, а человек, способный не петляя ходить по оскверненной врагом земле, казался героем. Поэтому и сам подвиг делается очень понятным, а герои — близкими, родными.

Возвышенно-эпическая форма, в которую Короткевич облек трагическое содержание своей поэмы, представляется здесь наиболее оправданной и удачной. Задача осложнялась тем, что в балладе герои сами говорят о своих сокровенных чувствах, о великих делах. Одно неудачное слово, один лишний жест может разрушить все, осмешнить и даже опошлить образ. Но этого не случилось. Павлина не унизила себя излияниями перед любимым человеком, который не может ей ответить взаимностью. Только перевязывая его, она «к ране припала тайком». Но случилось так, что ей пришлось говорить о своем чувстве на допросе у немецкого коменданта. Она сделала это, чтобы спасти любимого. За его спасение она заплатила своей жизнью. Только момент последнего прощания поэт решился передать взволнованной патетической метафорой:

Тихо-тихо вздымаются к бинтам в кровавой ряби
Чистые-чистые руки — белые голуби...

Сдержанность чувств, сдержанность слов, сдержанность жестов — вот чем убеждает баллада. Восхищение душевной красотой советского человека, чувство гордости за свой народ вдохновляли поэта.

Во всех этих произведениях ясно ощущается стремление Короткевича в историческом пути своего народа найти ключ к его судьбе сегодня.

Кем были и кем стали белорусы и Белоруссия, пройдя школу восстаний, революций и войн? Автор убежден, что революционные традиции и социалистическая действительность сыграли решающую роль в формировании сознания советской молодежи. Именно этой мысли посвящено одно из наиболее сильных стихотворений поэта «Орша».

Как ни странно, проблемная сторона поэзии Короткевича, значительное и глубокое содержание многих его произведений както ушли от внимания наших критиков. Был разговор об удачных и неудачных тропах, об архаической или современной форме, но не о самом содержании его стихов, которые почему-то считались сугубо историческими. Тем не менее размышления поэта в стихотворении «Душа матери», при всей сказочно фантастической форме, в какую они облечены, очень конкретны и современны: человеку нельзя жить без матери-родины, без ее души, поэтому он д о л ж е н ее воспевать.

Короткевичу близки заботы и радости тружеников («Желанный гость», «Песня шофера»). Поэт тонко улавливает их психологию, раскрывает красоту чувств наших современников. Стихи, созданные на материале современной жизни, более лиричны, чем произведения героического содержания. Они — свидетельство впечатлительности, документы чувств, а не событий.

Порой это зарисовка бытовой сценки, порой просто будничный разговор соседей. Но за неприметным жестом, за нечаянно оброненным словом поэт умеет разглядеть большие и сложные чувства. И разглядеть их глубоко поэтически.

...Зачастил бригадир к соседке («Желанный гость»). Зайдет, поздоровается, посочувствует: он и она потеряли семьи в войну. Тяжело человеку одному. Да не легко и встретить друга. На душе так тревожно, так трудно уже стало довериться другому сердцу. Объяснение затягивается. Только в «посторонних» разговорах гость невзначай роняет теплое слово. Но это смущает обоих. А все же чувство настойчиво. Однажды он открылся. Словно от удара судьбы, замерла женщина:

— Родная. Ты что же? Не надо, не плачь...
Падает,
Падает на пол
Из рук хозяйки черный рогач.

Не все стихотворения лирического содержания удались поэту. Среди них есть и не очень значительные и просто неудачные.

Останавливаясь на последних, можно заметить, что автора иногда подводит отбор самого материала. Предметом изображения порой становятся такие вещи, которые не могут послужить поводом ни для поэтических раздумий, ни для искренних переживаний. В этих случаях лирическая тема питается лишь фантазией автора и стихотворение, естественно, приобретает слишком отвлеченное звучание. Так, например, клены, осыпающие из года в год свои листья, превращаются сначала в символ вечности жизни, затем в симовол Родины («В родине вечных кленов»). Случается, что на лирических нотах поэт дает вдруг «петуха», изменяя своей сдержанной, отнюдь не крикливой интонации («В днепровских волнах, будто в люльке»).

Все это частности, которых могло бы и не быть, если бы поэт более вдумчиво и бережно «расходовал» свое вдохновение, делился пережитым.

В заключение хотелось бы пожелать автору и еще одного: чтобы для рассказа о наших днях он обращался не только к героике исторического пути народа, но и в сегодняшних его свершениях находил значительные события и сильные человеческие характеры, достойные эпического воплощения.

В. Колесник

Брест